

RU

Морфотемный подход к исследованию речемыслительной категории ситуативной субъектности

Скоромолова Ю. В.

Аннотация. Целью исследования является обоснование целесообразности использования формально-семантического операционного подхода, или метода морфотемного анализа, как метода, с помощью которого семантическая структура языковой единицы исследуется в двух измерениях: как объективирующая единица на уровне языковой системы и как репрезентирующая - на уровне контекста. Научной новизной является выявление пропозиционального характера единиц, используемых в высказывании с ситуативной референцией в субъектной позиции, применение морфотемной модели к анализу подобных языковых единиц, а также типизация языковых единиц, имеющих объективированный ситуативный компонент в семантике. Результаты исследования являются основанием для дальнейшего операционного анализа структуры ситуативной синтагмемы и ситуативной морфотемы языковой и речевой единицы.

EN

Morphothemic Approach to Studying the Verbal and Cognitive Category of Situational Subjectivity

Skoromolova Y. V.

Abstract. The purpose of the research is to provide rationale for using a formal semantic operational approach, or the method of morphothemic analysis, as a method by which the semantic structure of a language unit is investigated in two dimensions: as an objectifying unit at the level of the language system and as a representative unit at the level of context. Scientific novelty lies in identifying the propositional nature of units used in an utterance with situational reference in the subject position, applying a morphothemic model to the analysis of such language units, as well as carrying out typification of language units with an objectified situational component in their semantics. The research findings serve as the basis for further operational analysis of the structure of the situational syntagme and the situational morphotheme of a language and speech unit.

Введение

Отображение действительности в языке происходит опосредованно через определённые речемыслительные категории, одна из которых, а именно категория ситуативной субъектности, будет проанализирована в рамках данной статьи.

Понятие «субъектность» в современной философской науке ещё не получило общепризнанного категориального статуса. Философы трактуют его как системное качество субъекта, наличие которого и делает субъект тем, чем он является. Для характеристики любого действия как субъектного достаточно просто факта существования этого субъекта (Радченко, 2012, с. 75).

В современной лингвистике понятие «субъектность» применяется более динамично и характеризует языковые единицы, передающие все действия, исходящие от субъекта, а не только и не столько те, которые выражают его индивидуальное восприятие действительности (как в случае с понятием «субъективность»). Зачастую подобные единицы сублимируют в своей семантике целый набор действий, концептуализируемых в языковом сознании как экстралингвистическая ситуация и требующих – для точного понимания – развертывания своей семантики в пропозицию, как, например, слова *пожар*, *свадьба*, *трюк*, *прыжок*, *разговор*, *affair* (дело), *fact* (факт), *situation* (ситуация).

Случаи, когда позицию субъекта высказывания занимает так называемое «имя ситуации», когда по одному конкретному имени слушателю приходится восстанавливать целую, иногда очень сложную, ситуацию, интересовали многих лингвистов-исследователей, которые по-разному трактовали такие языковые единицы: как «сгущение, концентрацию мысли в одном слове» (М. А. Кормилицина), как «пропозитивную лексику» (Н. Д. Арутюнова), «номинализованную пропозицию» (Г. А. Золотова), «реляционные структуры» (И. П. Сусов), «мыслительный образ типовой ситуации» (Е. С. Кубрякова). Однако все они признают недостаточность существующего методологического материала и необходимость более детально и развернуто описать процесс означивания ситуации языковыми и речевыми средствами, чем и обусловлена актуальность настоящего исследования.

Задачами исследования являются: 1) обзор методологических подходов к анализу категории ситуативности, представленной языковыми единицами в субъектной позиции, с последующим обоснованием применения морфотемного подхода; 2) описание методологических основ морфотемного анализа применительно к языковым единицам с ситуативным значением в русском и английском языках; 3) сопоставительный анализ процессов объективации концептемы ситуативности в русском и английском языках.

В процессе исследования применялся метод морфотемного анализа к изучению структуры языковой ситуативной синтагмемы и метод сплошной выборки – к анализу фактологического материала в русскоязычной и англоязычной художественной литературе.

Исследованиям логико-семантических и речемыслительных категорий посвящены работы многих лингвистов, которые послужили теоретической базой настоящего исследования (Бондарко, 1971; Кацнельсон, 1965; 2001; Звегинцев, 1996; Арутюнова, 1979, 2002; Сусов, 1973; Почепцов, 1985; Золотова, 1975).

Практическая значимость результатов исследования заключается в разработанной системе классификации языковых единиц с объективированным ситуативным значением, а также выявленных тенденциях использования таких единиц в русском и английском языках, что может быть применимо в прикладных когнитологических исследованиях и практике преподавания переводческих дисциплин.

Основная часть

За историю развития лингвистической науки было предложено немало метаязыков для описания языка и сознания.

Большинство существующих исследований речемыслительных категорий построено на основе лишь одного формального, либо семантического критерия: поверхностно-частеречный подход (Ахманова, 1969; Адмони, 2004; Потемкина, 1977; Ярцева, 1981), функционально-семантический (Филлмор, 1988; Чейф, 1975; Гак, 1971; Степанов, 1985; Падучева, 1974; Богданов, 1977; Арутюнова, 1976; Сусов, 1988), понятийно-категориальный (Мещанинов, 1978; Кацнельсон, 1988), синтаксемный (Золотова, 1982; Мухин, 1987).

Основоположники компонентного анализа пытались определить критерии «атомарного» семантического анализа и установить набор неделимых и монозначных метасемантических единиц – сем. Л. Витгенштейн считал универсальным методом пояснения мыслей логический язык – язык знаков-предложений, которые являются минимальными образами мира (Фефилов, 2004, с. 166). В рамках структурного направления было разработано понятие «метатеории», когда конститутивной единицей считали не элементарную словарную единицу типа словоформы, а микротексты (Апресян, 1971; 1974).

Но многие авторы не учитывали связи формы языковой единицы с её содержанием, а также взаимосвязи способов и уровней объективации в языке того или иного понятия. Категории рассматривались обычно раздельно, и их связь, а тем более взаимодействие, не учитывались.

Полевой подход, обеспечив базу для фронтального исследования разносистемных языков, учитывает только основное значение языковой единицы без влияния контекста на её значение, не рассматривая также взаимовлияния мыслительных категорий (Бондарко, 1971, с. 10).

Уровневые подходы нельзя назвать удовлетворительными, в связи с тем, что одноуровневый анализ нацелен на строго иерархически организованные единицы языка, без учета их взаимодействия. Согласно такому подходу, по В. М. Солнцеву, единицей плана выражения выступает только фонема, в то время как единицы других уровней (морфема, слово) включают как план выражения, так и план содержания (Языкознание..., 1998, с. 539). Даже в современных межуровневых теориях, к примеру, в семантико-синтаксической концепции Г. А. Золотовой, слово, выступая в виде синтаксемы – синтаксической единицы глубинной структуры предложения, – рассматривается, тем не менее, как единица прежде всего синтаксического уровня (Золотова, 2001, с. 134).

Традиционное толкование языкового знака как трехмерного семиозиса (Моррис, 1983, с. 42), состоящего из семантического уровня (отношение знака как означающего к означаемому или десигнату – классу объектов), синтаксического (отношение знаков между собой) и прагматического (отношение знака к интерпретатору), по мнению А. И. Фефилова, может применяться в анализе языка лишь с ограничениями. Отношение знака к референту опосредовано сознанием – обозначаемым объектом является не предмет действительности, а его мыслительный образ. Отношения языковых знаков между собой не чисто синтаксичны, а также и семантически. И наконец, прагматический аспект не следует сводить лишь к интерпретации, но также и к отношению говорящего и использующего знак. В связи с этим А. И. Фефилов (1997, с. 28) полагает, что «семантика знака не мыслима вне знаковой формы», то есть без соотношения семантик двух уровней – *формантного*

(категориального, частеречного, мотивационно-номинационного, аффиксального, флексийного, детерминативного) и *синтагмемного* (аналога структуры, функции и содержания логико-семантических категорий, объективированных линейно, синтагмообразно).

Традиционное понимание языка в качестве некоего набора языковых и речевых средств и речи как реализации языковой потенции в соответствии с определенными коммуникативными задачами не отражает динамику соотношения «язык – речь». Слово на уровне речи не равно своему эквиваленту в системе языка, то есть слову, зафиксированному в словаре, и тому содержанию, которое с ним обычно связывается стереотипно или конвенционально. В речевом контексте мы имеем дело с формированием семантико-концептуальных комплексов, являющихся результатом взаимодействия обозначаемого мыслительного содержания с собственной семантикой языковых единиц.

Преобладание аналитических, а не синтетических подходов в лингвистике приводит к междисциплинарным и межуровневым барьерам на пути описания языковых единиц как комплексных языковых и речевых знаков – «расчлняя целое на части, мы часто упускаем специфику целого» (Фрумкина, 1984, с. 11). На недостатки аналитического подхода указывал ещё В. Гумбольдт (1984): «В языке нет ничего единичного, каждый отдельный его элемент проявляет себя лишь как часть целого» (с. 313).

Таким образом, вышеуказанные проблемы получают решение в случае методологического подхода, когда языковые единицы измеряются с помощью формально-семантической операционной единицы, которая может быть принята за эталон комплексного межуровневого исследования. В качестве таковой выбрана *морфотема* как операционная единица морфотемного анализа языковых и речевых единиц, разработанного А. И. Фефиловым (1997, 2004).

«*Морфотема* – это формально-семантическая, знаковая модель языковой единицы. Морфа (или форма) – это совокупность внутренних (корневых, префиксальных, суффиксальных, флексийных) и внешних (артиклевых, предложных, лексемных) формантов, конституирующих на фонетическом (звуковом, акустическом) уровне форматив языковой единицы. Тема (или семантическая основа) – это совокупность лексикализованных и грамматикализованных семантических признаков языковой единицы, структурно организованных в синтагмему» (Фефилов, 1997, с. 50).

Иными словами, морфотему можно принять за «эталон лингвистического измерения (описания, анализа) языковых единиц на этапе языковой объективации (семантизации и формантизации) мыслительных понятий» (Фефилов, 1997, с. 50). Дополнительно морфотему возможно использовать в качестве единицы анализа процессов и результатов интеграции языка и сознания на уровне речевой репрезентации мыслительных понятий, или, иными словами, взаимодействия интралингвистического семантического и экстралингвистического понятийного комплексов.

Морфотемный анализ языка представляет собой описание результатов объективации структуры и содержания концептуального сознания с помощью языковых единиц, где на первом этапе происходит представление структурно-содержательной семантизации концепта в виде синтагмемы, а далее следует систематизация способов формантизации синтагмемных компонентов и типов их связи (Фефилов, 1997, с. 4).

Синтагмемную структуру ситуативного имени, согласно нашему исследованию, в целом конституируют следующие компоненты-концепты: событие, факт, явление, состояние, свойство, качество, поступок, действие, процесс и другие непредметные, а также предметные референции.

В процессе семантизации проявляется комплексная природа категории ситуативности, то есть обязательное взаимодействие нескольких категорий в составе ситуативной синтагмемы. Причем базовой может выступать не только концептема действия (*разговор – talk, улыбка – smile*), но и другие логико-семантические категории – концептема качественности (*свет – light, тяжесть – heaviness*), концептема темпоральности (*вечеринка, weekend* (выходной)), концептема количественности (*одиночество – loneliness*).

Для разграничения единиц языка и речи в концепцию вводятся термины лингвема и локутема. *Лингвема* – это единица языкового сознания, «генетический код языка», или объективированное ретроспективное мыслительное содержание, во многом обусловленное регламентированным национально-культурным сознанием носителей конкретного языка. *Локутема* – единица речевого мышления, которая выражает дополнительный, ситуативно обусловленный коммуникативный смысл, наслаивающийся на лингвему и реструктурирующий ее значение (Фефилов, 2004, с. 54).

В морфотемной модели лингвемы выделяют пять макрокомпонентов, а именно:

- 1) материальную форму лингвемы, то есть звуковую оболочку, графическое изображение;
- 2) идеальное представление лингвемы в вербально-понятийном сознании, состоящее из акустемы (образа звуковой оболочки), графемы (образа графического изображения) и кинемы (образа позиции и движения органов речи);
- 3) синтез идеального образа лингвемы с мотивационными признаками – фонетическими (как правило, фонемы звукоподражательной природы), грамматическими признаками базового имени (часть речи, род, число, падеж, время, наклонение и пр.), номинационно-семантическими и/или детерминативно-семантическими, закрепленными за корнем базового имени, а также ассоциативно-семантическими и словообразовательными интралингвистическими признаками (значения аффиксов);
- 4) лингвемную синтагмему как синтагмообразную семантическую структуру синтезированных микрокомпонентов позиционного, логико-категориального, модификационного, а также контенционального

порядка – это ступень семантизации формы лингвемы, где структурные позиции занимают в порядке приоритетности определенные логико-семантические признаки – реляциональности и ее разновидности – акциональность, локутивность и др., субстанциальности и ее разновидности, качественности, количественности, локальности, темпоральности;

5) обозначаемую концептему, которая представляет собой комплекс обозначаемых взаимосвязанных мыслительных понятий, т.е. когнитивную модель со всеми характерными признаками (Фефилов, 2004, с. 180).

В ходе исследования было выявлено, что концептета ситуативности проявляет себя всегда как реализация процесса, действия, движения с обязательным наличием в составе синтагмемы логико-семантической категории реляциональности и ее разновидностей, объективируемых на уровне базового категориально-семантического признака. В связи с тем, что на формантном уровне категория ситуативности выражается в форме имени существительного или – по нашей терминологии – субстантивемы, представляется возможным выделить следующие классы ситуативных субстантивем на основе формантного признака, то есть по типу деривационной модели:

- ремотивированные, в которых не выявлен однозначный мотивирующий источник, либо связь между производящей и производной основами является стертой; ситуативность в морфотема актуализируется посредством объективации признака реляциональности (с возможным указанием релятора) – ср.: *свадьба, катастрофа, факт, case* (случай), *event* (событие);

- вербиально-детерминированные, образованные от глагольных лингвем с мотивирующим признаком реляциональности или его разновидностями (ср. «бежать» – «бег»), либо сочетанием признаков, при котором реляциональность является определяющей (ср. «холодный» – «охлаждать» – «охлаждение») – ср.: *движение – movement, крик – cry*;

- адъективно-детерминированные, образованные от адъективных лингвем (имен прилагательных) с мотивирующим признаком качественности (ср. «теплый»), либо с сочетанием признаков, при котором качественность является определяющей (ср. «торопиться – торопливый» – «торопливость») – *вкус, быстрота, brightness* (яркость), *darkness* (темнота);

- субстантно-детерминированные, образованные от субстантивированных лингвем (имен существительных) с мотивирующим признаком субстанциальности, локальности, количественности, темпоральности – ср.: *сюрприз – surprise*;

- дейктические (местоименные), образованные от местоименных лингвем и имеющие мотивирующие десемантизированные субстанциальный и реляциональный признаки, ср.: *что-то – something, все это – all that*.

В ходе анализа использованных в художественной литературе ситуативных субстантивем в субъектной позиции были сделаны следующие выводы о продуктивных деривационных моделях в русском и английском языках:

а) в обоих языках присутствуют субстантивемы, образованные по всем существующим моделям, причем частотность тех или иных моделей одинакова в обоих языках, разница в процентном соотношении варьируется в пределах 1%, чем можно пренебречь;

б) наиболее продуктивной оказалась отвербиальная модель, а именно – 62-63% всех обнаруженных в литературе ситуативных субстантивем являются вербиально-детерминированными (ср.: *смех, шум, поворот, inspiration* (вдохновение), *hate* (ненависть), *thought* (мысль)), что объяснимо наличием в производящей синтагмеме лексико-семантического признака реляциональности и его реляторов – акциональности, локутивности и т.д., причем в английском языке более частотной, по сравнению с аффиксальной, является конверсивная модель (ср.: *cough* (кашель), *remark* (замечание), *row* (скандал), а среди аффиксальных – причастная модель (ср.: *meeting* (встреча), *reading* (чтение), *answering* (ответ)): *Улыбка Марты разом его оглушила* (Набоков, 1990, с. 153), *Her glance left me and sought the lighted top of the steps...* (Fitzgerald, 2010, с. 146). / Ее взгляд покинул меня и устремился на освещенные верхние ступеньки лестницы (здесь и далее перевод автора статьи. – Ю. С.);

в) довольно частотной является отадъективная модель, по которой образовано 19-20% ситуативных субстантивем, обозначающих ситуацию проявления качества с обязательным наличием актанта действия, процесса, движения, состояния (ср.: *нежность, тайна, незлобливость, heaviness* (тяжесть), *dishonesty* (нечестность), *uncertainty* (неуверенность)) и объективирующих признаки качественности и реляциональности (с возможным релятором): *Отчасти эта вялость происходила от безделья* (Набоков, 1990, с. 40), *Hunger would interfere with me disastrously* (Lawrence, 2009, с. 28). / Голод ужасно мне мешал;

г) субстантивемы, формантно представляющие собой абстрактные имена с объективированной ситуативной референцией, но не имеющие однозначного мотивационного источника (которые в нашей работе мы назвали ремотивированными ситуативными субстантивемами), довольно частотны в речи и совокупно составляют 12% от общего корпуса выявленных ситуативных субстантивем (ср.: *сенсация, голос, путь, scandal* (скандал), *taboo* (табу), *subject* (тема)): *Путь был долгим и трудным, но он преодолен* (Акунин, 2006, с. 190), *The idea staggered me* (Fitzgerald, 2010, с. 98). / Идея потрясла меня;

д) использование в речи дейктических (образованных от неопределенных местоимений) ситуативных субстантивем обусловлено их десемантизированной природой и, как следствие, способностью указывать на ситуации с участием неопределенного количества актантов (ср. *что-то – something, все это – all that*): *Всё стало как-то сразу легко, ясно, отчётливо* (Набоков, 1990, с. 148), *She was in no hurry about the child. That was her own private affair...* (Lawrence, 2009, с. 55). / Она не торопилась с ребенком – это было ее личное дело;

е) наличие в языке субстантно-детерминированных ситуативных субстантивем иллюстрирует полизначность некоторых собирательных имен как в русском, так и в английском языке (ср. *сюрприз* – «неожиданный

подарок, событие», art (искусство) – “the expression of human creative skill and imagination such as painting or sculpture, producing works” / «выражение творческого навыка или воображения человека, например, в форме картины или скульптуры, производство подобных форм»», что относится в равной степени к прецедентным именам, объективирующим в языковой единице признаки уже случившейся ситуации, а также указывает на метафоричность человеческого сознания, мысли, что последовательно выражается в речетворчестве.

Например, в предложении *It was after we started with Gatsby toward the house that the gardener saw Wilson's body a little way off in the grass, and the holocaust was complete* (Fitzgerald, 2010, с. 216). / *И только после того, как мы с Гэтсби направились к дому, садовник увидел тело Уилсона поодаль в траве, и вся картина жертвоприношения сложилась*, – топоним “Holocaust”, объективирующий в языке значение специфичной ситуации, знакомой носителем языка или языков с одинаковой апперцептивной базой, в контексте используется со схожим референциальным значением «совершить жертвоприношение». Полизначная субстантивема «сюрприз» в предложении *Первый неприятный сюрприз ждал комиссара в мореходной конторе* (Акунин, 2006, с. 19) используется с объективированным значением «неожиданное событие» и развертывается в контекстную ситуативную пропозицию в последующих предложениях.

Заключение

Представленное исследование позволяет сделать следующие выводы:

1. Особенности передачи дополнительных смыслов ситуативной референтности в семантически осложненных ситуативных и неситуативных лингвемах не представляется возможным изучить лишь применив существующие аналитические методики. В связи с этим в нашем исследовании была доказана необходимость применения формально-семантического операционного метода, или морфотемного анализа единиц языка и речи, изучающего семантическую структуру языковой единицы в двух измерениях: как объективирующей единицы на уровне языковой системы и как репрезентирующей – на уровне контекста.

2. Категория ситуативности, имея комплексную структуру, представлена в обоих языках в ситуативной синтагмеме с обязательным наличием категории релевантности и/или ее разновидностей (реляторов), которая объективируется по каналу категориально-семантического признака автономно, либо в сочетании с другими реляторами и логико-семантическими категориями. На формантном уровне категория ситуативности представлена субстантивированными лингвемами, или субстантивемами, которые классифицированы в нашей работе на основе различных деривационных моделей.

3. В обоих языках в речевой репрезентации ситуативные субстантивемы представлены в одинаковых либо схожих семантико-синтаксических моделях, что позволяет сделать вывод об универсальном характере речемыслительной категории ситуативной субъектности.

Таким образом, именно такой – по своей сути синтагматичный – подход к семантике языковых единиц с учетом особенностей речевой репрезентации мыслительных понятий с помощью морфотемно-структурированных единиц позволяет раскрыть ситуативный характер субстантивных лингвем (имен существительных), а также лингвем других типов в той или иной предложенческой функции, в частности субъектных имен с ярко выраженной или имплицитной ситуативной семантикой.

Перспективами дальнейшего исследования являются выявление структуры языковой ситуативной морфотемы в русском и английском языках и способы ее актуализации в речевом контексте.

Источники | References

1. Акунин Б. Левиафан. Екатеринбург, 2006.
2. Бондарко А. В. Грамматическая категория и контекст. Л.: Наука, 1971.
3. Гумбольдт В. Избранные труды по языкознанию. М.: Прогресс, 1984.
4. Золотова Г. А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. Изд-е 2-е, стер. М.: Эдиториал УРСС, 2001.
5. Моррис Ч. У. Основания теории знаков // Семиотика / сост., вступ. ст. и общ. ред. Ю. С. Степанова. М.: Радуга, 1983.
6. Набоков В. В. Машенька: роман. Король, дама, валет: роман // Набоков В. В. Собрание сочинений: в 4-х т. М.: Правда, 1990. Т. 1.
7. Радченко Е. В., Ранг К. А. Понимание субъектности в философии и языкознании // Вестник Южно-Уральского государственного университета. 2012. Серия «Лингвистика». Вып. 14. № 2.
8. Фефилов А. И. Морфотемный анализ единиц языка и речи. Ульяновск: УлГУ, 1997.
9. Фефилов А. И. Основы когнитологии. Ульяновск: УлГУ, 2004.
10. Фрумкина Р. М. Предисловие (к сборнику статей по психолингвистике) // Психолингвистика: сборник статей. М.: Прогресс, 1984.
11. Языкознание. Большой энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. Изд-е 2-е. М.: Большая российская энциклопедия, 1998.
12. Fitzgerald F. Scott. The Great Gatsby / на англ. яз.; предисл., коммент. Е. В. Угаровой. М.: Айрис-пресс, 2010.
13. Lawrence D. H. Lady Chatterley's Lover: роман / на англ. яз. Новосибирск: Сиб. унив. изд-во, 2009.

Информация об авторах | Author information

Скоромолова Юлия Владимировна¹

¹ Ульяновский государственный технический университет

Skoromolova Yuliya Vladimirovna¹

¹ Ulyanovsk State Technical University

¹ j.skoromolova@mail.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 09.11.2021; опубликовано (published): 28.12.2021.

Ключевые слова (keywords): метод морфотемного анализа; пропозиция; ситуативная субъектность; method of morphothemic analysis; proposition; situational subjectivity.